

Рецензии

Debating the East Asian Peace: What It Is. How It Come About. Will It Last? / ed. by Elin Bjarnegård and Joakim Kreutz. Copenhagen: Nias Press, 2017. 316 p.

Обсуждение восточноазиатского мира. Что это такое? Как он возник? Сколько продлится? / ред. Элин Бьярнегард, Йоаким Крейц. Копенгаген, 2017.

Рецензируемая коллективная монография посвящена исследованию причин возникновения восточноазиатского мира и оценке его глубины. Монография является результатом пятилетней (2011–2016) исследовательской программы Уппсальского университета (Швеция), в которой помимо шведских экспертов приняли участие более двух десятков ученых со всего мира.

В каждой главе монографии рассматриваются процессы и события в Восточной Азии, однако общий вклад исследования включает рассмотрение основных вопросов, направленных на более глубокое понимание мира и конфликтов. Что такое мир и как его можно изучать? Как можно охарактеризовать восточноазиатский мир? Какие ограничения и условия связаны с этим миром? Могут ли идеи Восточной Азии объяснить общие региональные тенденции политического насилия? Влияет ли то, каким образом был достигнут мир, на его качество? Угрожает ли что-то миру в Восточной Азии? Если да, то что, и откуда исходит эта угроза?

Интерес к феномену восточноазиатского мира возник как эмпирическое наблюдение, требующее тщательного изучения и объяснения. Несмотря на многолетние войны в этом регионе, не было войны между основными державами. Более пристальное изучение этого феномена показало, что общее количество конфликтов сократилось, а те конфликты, которые сохранялись, стали менее жестокими. В то же время военные споры между странами Восточной Азии не уменьшились, а гражданские конфликты управлялись, а не урегулировались мирными соглашениями. Изучение этих вопросов имеет важное значение, и некоторые главы монографии дают объяснение снижению военной конфронтации в Восточной Азии. Авторы

монографии исходят из того, что мир может быть «холодным» (cold peace), основанным на балансе сил, и «теплым» (warm peace), основанным на сотрудничестве и разрешении конфликтов. В монографии ставится задача объяснить феномен «теплого мира».

При рассмотрении феномена восточноазиатского мира коллектив авторов широко использует термин «положительный мир» (positive peace) и «отрицательный мир» (negative peace). Такое определение мира восходит к концепции Йохана Галтунга (Johan Galtung), сформулированной им в 1969 г. Галтунг определяет мир просто как отсутствие насилия, но его концептуализация становится более сложной по мере того, как он предлагает типологию насилия. Насилие может быть либо личным (совершенным индивидом), либо структурным (в котором видимые и невидимые процессы подавляют социальную справедливость). Согласно определению Галтунга отсутствие личного насилия означает отрицательный мир, а отсутствие структурного насилия означает положительный мир. С этой точки зрения снижение смертности в результате боевых действий и других форм непосредственно совершенного насилия в Восточной Азии представляет собой отрицательный мир. Снижение в обществе структурного насилия приближает его к положительному миру. В монографии рассматривается распространенность как отрицательного, так и положительного мира, при этом отмечается, что сокращение одного типа насилия не обязательно приводит к сокращению другого (р. 7).

Концептуализация мира как отрицательного, так и положительного (или и того, и другого) позволяет понять, что существуют разные формы мира, и исследовать их неравно-

мерное развитие. Конечно, есть и другие способы концептуализации различных этапов или аспектов мира. Одной из таких концептуализаций является ссылка на его устойчивость, жизнеспособность или качество (*Tønnesson S. Explaining the East Asian Peace. Copenhagen, 2017*). Эта концептуализация основывается на предположении о континууме мира: сокращение личного насилия рассматривается как вежа, а сокращение структурного насилия предполагает углубление этого мира.

Монография представляет возможность познакомиться с различными взглядами на восточноазиатский мир, определяемый как сокращение военных конфликтов между государствами, его причинами, издержками и возможностями выживания. Книга начинается с конкурирующих международно-ориентированных объяснений регионального мира в Восточной Азии. Затем идет переход к раскрытию качества мира, одновременно внимание фокусируется на внутренних конфликтах, включая индивидуальное поведение и отношение к насилию. Монографию можно прочесть как простой отчет, который от объяснений переходит к последствиям и от международного уровня к национальному, вплоть до местного. Однако главы монографии представляют собой сложную сеть взаимосвязанных аналитических частей, которые, взятые вместе, не только дают более глубокое понимание восточноазиатского мира, но и поднимают ряд важных вопросов, на которые должны обратить внимание исследователи мира.

В первой части Бенджамин Голдсмит (*Benjamin E. Goldsmith*) выдвигает аргументы в пользу *мира путем торговли* в Восточной Азии. В связи с этим возникает необходимость обосновать, что эскалация межгосударственных споров стала менее распространенной по мере увеличения объемов международной торговли. Однако в его объяснении не рассматривается вопрос о том, связаны ли изменения в сторону экономической открытости с изменениями во внутреннем конфликте (р. 14–30).

Ширли Скотт (*Shirley V. Scott*) утверждает, что *мир обеспечивается международным правом*. Она выделяет несколько международных договоров, которые позволили Китаю принять участие в процессе принятия решений на высшем глобальном уровне, что способствовало росту китайского влияния. Таким образом, политику Китая, являющегося великой региональной (и глобальной) державой, можно считать ключом к региональному миру (р. 36–51).

Стейн Тённессон (*Stein Tønnesson*), выступая за *мир путем развития*, отрицает капита-

листическую теорию мира, предложенную Голдсмитом. Тённессон считает, что в мирном развитии в Восточной Азии рынок не имел определяющего значения. Многие страны перешли к политике приоритетности экономического развития и имели достаточный институциональный потенциал для проведения реформ и контроля над своим населением. В результате были устранены внешние конфликты, а внутренний мир был достигнут путем репрессий или созданием легитимных институтов (р. 55–75).

Йоаким Крейтц (*Joakim Kreutz*) объясняет восточноазиатский мир не инициативами, возникающими в регионе, и конфликтами как таковыми, а скорее *миром путем внешнего воздействия*. Он утверждает, что это изменение зависит от изменения возможностей использования насилия в политических целях. Действия государств, внешних по отношению к Восточной Азии, а также государств самого региона, активно поддерживающих воюющие стороны за пределами своих границ, являются одновременно факторами, способствующими и подпитывающими конфликты в Восточной Азии. В середине 1980-х годов внешние силы перешли к поддержке мира и стабильности в регионе (р. 78–94).

Айзак Свенссон (*Isak Svensson*) утверждает, что восточноазиатский мир установился *благодаря отсутствию религиозных войн*. Хотя религиозные войны стали все более распространенными в мире, это не коснулось региона Восточной Азии. В частности, регион был относительно отделен от глобальных джихадистских движений, возможно, потому что государства Восточной Азии обладают высоким государственным потенциалом и смогли купировать потенциальные военные кампании религиозных боевиков до того, как они переросли в более масштабное насилие (р. 98–112).

Хенрик Урдал (*Henrik Urdal*) указывает на *мир путем демографических изменений*. Урдал считает, что коренные причины мира были усилены демографическими тенденциями, которые включают снижение показателей рождаемости и регулирование молодежной политики. Это привело к увеличению инвестиций в занятость молодежи, что в свою очередь способствовало экономическому и политическому развитию стран региона. Обращается внимание и на последние тенденции, в частности старение населения, которое может привести к «геритарическому миру» (р. 115–138).

Во второй части Кристина Эк (*Kristine Eck*) утверждает, что восточноазиатский мир можно трактовать как *репрессивный мир*. Она задается вопросом о качестве восточноазиатского

мира, который строится на репрессиях. Автор ставит под сомнение долговечность такого мира и полагает, что страны, которые добились отрицательного мира, пожертвовав правами человека, скорее всего, столкнутся с политическими потрясениями и конфликтами (р. 142–156).

Элин Бьярнегард (Elin Bjarnegård) поддерживает позицию Эк о репрессивном происхождении восточноазиатского мира, а также задается вопросом: кто реальный бенефициар этого репрессивного мира? Она характеризует восточноазиатский мир как *неравный мир* и демонстрирует, что безопасность в Восточной Азии сегодня зависит от социальной принадлежности. Участие низов в мироустройстве минимально, сохраняются коренные причины неравенства и структурно дифференцированные уязвимости (р. 159–172).

Фиона Яп (Fiona Yap) ставит вопрос, насколько *надежен мир* в Восточной Азии. Яп рассматривает проблему распространенности массовых протестов в регионе и на материалах опросов, делает вывод, что готовность участвовать в протесте не зависит ни от репрессий, ни от экономических спадов, она усиливается в результате снижения доверия к легитимности правительства, что вызывает нестабильность и другие потенциальные вызовы восточноазиатскому миру (р. 176–196).

Эрик Меландер (Erik Melander) предполагает, что восточноазиатский мир можно охарактеризовать как *мужской мир*. По его словам, проблема передачи власти и «проблемы истории» имеют значение только тогда, когда люди восприимчивы к ним. Мужские культуры чести и идеалы воинов можно рассматривать как основную причину войн, и Меландер представляет тревожные доказательства того, что такая идеология по-прежнему занимает важное место в представлениях народов Восточной Азии. (р. 200–217).

Холли Гутри (Holly Guthrey) расширяет эту концепцию в своей главе о *неумолимом мире*, представляет свидетельства того, что в странах постконфликтного общества Восточной Азии было мало реальных попыток примирения. Вместо того чтобы заниматься историей насилия и злоупотреблений в регионе, восточноазиатские народы активно пытаются забыть

и подавить прошлое (р. 220–235). Тем не менее ни один исследователь не видит причин для возвращения Восточной Азии к своему насильственному прошлому.

В последних двух главах рассматриваются проблемы и угрозы для восточноазиатского мира. Ориентируясь на тенденцию, которая может привести непосредственно к конфликту, Рю Юнвук (Yongwook Ryu) исследует *националистическую угрозу восточноазиатскому миру* и находит в Северо-Восточной Азии националистические настроения и «проблемы истории». Он утверждает, что сохраняющийся национализм препятствует укреплению восточноазиатского мира, который основан на формировании всеобъемлющего регионального сообщества, и что националистическая напряженность может спровоцировать конфликт (р. 239–257).

Роберт Росс (Robert Ross) фокусируется на *вызове восточноазиатскому миру со стороны великих держав*. Он акцентирует внимание на соперничестве в регионе между КНР и США и утверждает, что восточноазиатский мир является отражением временной удовлетворенности Китая своей территориальной безопасностью вдоль его сухопутных границ, даже в условиях доминирования на море ВМС США. Однако он также предупреждает, что по мере роста военной мощи Китая, он перестанет мириться с ограничением своих возможностей по обеспечению безопасности прибрежных вод. Росс утверждает, что баланс сил может скоро измениться, поскольку Китай постоянно увеличивает расходы оборонного бюджета на модернизацию флота. Таким образом, рост военной мощи Китая может стать вызовом для мира в Восточной Азии, если он угрожает американо-китайским отношениям (р. 260–275).

В заключительной главе излагаются рекомендации по изучению проблем мира в регионе Восточной Азии.

Актуальность данной коллективной монографии абсолютно очевидна, а форма подачи фактического материала позволяет рассчитывать на то, что эта книга будет интересна широкому кругу читателей и станет основой для дальнейших научных исследований в области проблемы поддержания мира и безопасности в Восточной Азии.